

УДК 316.722

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.7

EDN: DEMZSS

Научная статья

РОЛЬ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ПРАКТИКАХ МОЛОДЕЖНОГО ДОСУГА: ДОМАШНЯЯ ВЕЧЕРИНКА (ХОУМ-ПАТИ) КАК СОЦИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Денис Борисович Литвинцев

¹ Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия,

² Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет,
Новосибирск, Россия

denlitv@inbox.ru,

ORCID 0000-0002-0358-3681

Для цитирования: Литвинцев Д. Б. Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 124–137. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.7. EDN DEMZSS.

Аннотация. Проблема молодёжного досуга – нередкий объект исследования в современной социологии. Однако российские учёные всё больше уделяют внимания клубной культуре и различным молодёжным субкультурам, нередко упуская из внимания социальный феномен домашних вечеринок. В настоящей статье анализируются результаты отдельных исследований домашних вечеринок в США, Голландии, Дании, Великобритании (Skins Party), бывшем СССР («квартирник») и современной России («вписка» и её различные форматы). Методологической основой исследования является подход Э. Гоффмана, позволяющий рассматривать домашнюю вечеринку как социальное событие развлекательного характера, а также теория «третьего места» Р. Ольденбурга, которым на время вечеринки становится дом. В статье затрагивается исторический аспект домашних вечеринок, золотой век которых начался в Великобритании XIX в. В контексте сакральности мероприятия и институциональной свободы домашняя вечеринка сравнивается с «краш-пэд» коммунной субкультуры хиппи. Отмечается возможность образования тусовки как серии домашних вечеринок, противостоящей дисциплинарной культуре и социальной иерархии. Отдельное внимание уделяется вопросу употребления алкоголя как ритуалу коллективного опьянения во время домашних вечеринок и играм с выпивкой. Вводится понятие домашней квази-вечеринки, основной целью которой является не развлечение, а просвещение, политическая агитация или прямые продажи. Основной идеей статьи является отражение не только негативных, но и позитивных социально-культурных функций домашней вечеринки, рассматриваемой некоторыми исследователями как исключительно девиантная и/или криминогенная форма проведения досуга современной молодёжи.

Ключевые слова: жилищная социология, «третье место», досуг, молодёжный субкультурный феномен, домашняя вечеринка, тусовка, квартирник, вписка, игры с выпивкой

Введение

Хоум-пати ¹, или домашняя вечеринка, как и любая другая – это социальное мероприятие, под которым Э. Гоффман понимал общественное событие, ограниченное местом и временем и обычно поддерживаемое стационарным оборудованием [1]. Социальное мероприятие обладает изменяющейся сущностью, которая возникает с приходом людей и исчезает вместе с их уходом, включая в себя в определённой степени взаимное увлечение его участников и общую ориентацию на развитие самого события, где ранее незнакомые люди могут стать друзьями [2]. Домашняя вечеринка как социальное событие развлекательного характера в молодёжной среде наиболее часто ассоциируется с весельем, громкой музыкой, встречами с друзьями и алкоголем.

«В прошлые выходные нас пригласили на домашнюю вечеринку в Лейк-Форест, штат Иллинойс, которую я не скоро забуду. И это не только потому, что я была в неподходящей для этого одежде. Если быть более объективной, то люди там настораживали, и это в лучшем случае», – именно так начинается описание домашней вечеринки К. Нокс в своём одноимённом произведении [3]. Подобное описание характеризует домашнюю вечеринку не просто как обыденное социальное мероприятие, а как нечто, выходящее за рамки естественного и общепринятого. Неслучайно М. Орекин отмечает, что репрессии против домашних вечеринок ² вызывают многочисленные споры и обсуждения [4].

Домашняя вечеринка в загородном доме – это воплощение привилегированного образа жизни меньшинства в ушедшей эпохе. Золотой век домашних вечеринок в Великобритании приходится, по мнению А. Тиннисвуда, на время правления королевы Виктории, когда её сын со своими друзьями с энтузиазмом пили, играли в азартные игры и прелюбодействовали в загородных домах по всей стране. Он закончился полвека спустя, когда пьянство, азартные игры и блуд должны были отойти на второй план – после борьбы с фашизмом. Неудивительно, что этот период совпал с ослаблением социальных конвенций, что позволило новым богачам и деятелям искусства более свободно, чем когда-либо прежде, смешаться с традиционным землевладельческим сообществом и бросить вызов старым формальностям [5].

¹ В английском языке встречаются схожие понятия «home party» и «house party». При этом первое употребляется гораздо чаще, и потому неслучайно именно оно было заимствовано в русском языке. Так, например, белорусская поп-фанк группа «Радиоволна» выпустила песню под названием «Хоум-Пати» ещё в 2016 г.

² Одним из ответов на борьбу с домашними вечеринками стал приключенческий симулятор «House Party», разработанный студией «Еек! Games, LLC» в 2017 г. Компьютерная игра позволяет погрузиться в атмосферу виртуальной домашней вечеринки в духе классических молодёжных комедий 90-х гг. XX в.

А. Тиннисвуд отмечает чрезвычайно важную вещь для понимания домашних вечеринок как социально-исторического феномена. Детерминантами подобного досуга становятся ослабление социальных конвенций в обществе (что активно наблюдается в период пандемий, войн и т. п.) и противостояние формальным институтам, которые активно насаждаются государством. Фактически, домашняя вечеринка, с точки зрения автора статьи, может рассматриваться как форма ретритизма (по Р. Мертону), как попытка хотя бы на время сбежать из механизированного общества «всеподнадзорности» М. Фуко, забыв об общепринятых целях (материальные ценности и др.) и институциональных средствах их достижения.

Домашние вечеринки в Европе, СССР и современной России

В современной Великобритании подростковая многосерийная драма «Скины» ("Skins", 2007 г.) породила новый формат домашних вечеринок – Skins Party, где все присутствующие принимают алкоголь, наркотики и занимаются сексом. Это достаточно приватное событие, которое становится для подростков площадкой для различных излишеств, нарушений, девиаций и экспериментов. Во время Skins Party может произойти всё что угодно: домашняя вечеринка – это социальное событие безграничного потенциала, экстатических возможностей и разрыва социальных норм [6]. Таким образом, домашние вечеринки, не утратив своей первоначальной цели, стали в большей степени распространены именно среди молодёжи, а не среди привилегированных слоёв общества, о которых писал А. Тиннисвуд.

В России наиболее близким аналогом британской Skins Party стала, так называемая, вписка¹. Е. В. Шульгина идентифицирует вписку как вечеринку зачастую малознакомых подростков в отсутствие взрослых, устраиваемую в квартире или в частном доме, принадлежащем участнику, либо арендованном. На вписках подростки предоставлены сами себе, а их действия ничем не ограничены. На вписках приветствуются употребление алкоголя и беспорядочные половые связи, нередко и употребление наркотических веществ. Наибольшей популярностью вписки пользуются у старшеклассников и студентов первых курсов [7]. Вписка, может быть, как запланирована и/или организована посредством сети Интернет, так и иметь спонтанный характер и длиться несколько дней в условиях отсутствия запретов.

Популярность вписок объясняется разрывом социальных связей в первую очередь в больших городах и исчезновением дворовой культуры.

¹ Целесообразно отметить, что в конце 80-х гг. вписками назывались просто места для ночлега путешественников-автостопщиков, что позволяло путешествовать по стране с минимальными затратами.

В то же время вписки – это самоорганизация и самотворение, акт творения и праздник культуры, бесконечная позитивность и радость жизни. Подобную трактовку Р. С. Гранин рассматривает как некую экзистенциальную составляющую вписки в духе «дазайна» М. Хайдеггера (нем. “Dasein” – «вот-бытие», «здесь-бытие»). При этом давая собственное определение, Р. С. Гранин определяет вписку как своего рода инициацию, перерождение «из материалистической неподлинной жизни в иную, высшую реальность». Признаком сакральности вписки выступает преодоление различных табу юношами и девушками, находящимися зачастую в возрасте полового созревания [8, с. 94]. Подобная многогранность домашних вечеринок не позволяет рассматривать их как исключительно девиантную или криминогенную форму проведения досуга современной молодёжи.

Идеи сакральности и духовности общины, а также стремление быть свободным (в том числе от формальных институтов) – основополагающие принципы субкультуры хиппи, возникшей в США в середине XX в. и развивавшейся в СССР в 1960–1970 гг. Неслучайно социально отчуждённые молодые люди в том числе посредством домашних вечеринок могли быть вовлечены в эту субкультуру, что в дальнейшем способствовало формированию так называемых «краш-пэд» (англ. “crash pad”), городских и сельских коммун. В отличие от других коммун, у «краш-пэд» нет реальных целей, кроме как служить местом для людей, которые хотят жить вместе [9]. В этом есть значительное сходство «краш-пэд» и вписки, также не имеющих реальной цели, кроме как провести время вместе в своё удовольствие, что, к сожалению, не исключает различных социально-культурных и медицинских последствий.

В сети Интернет можно найти множество описаний реального опыта участия на вписках различных форматов. Среди них в России выделяются¹:

Вписки на стороне. Домашняя вечеринка, на которой все или большинство участников не знакомы друг с другом. Подобная вписка представляет собой максимально непредсказуемое социальное мероприятие, характеризующееся саспенсом (состоянием тревожного ожидания, беспокойства и неопределённости). Однако именно саспенс и привлекает внимание молодёжи к данному формату домашних вечеринок.

Легион. Домашняя вечеринка, на которую собираются парами, что в большей степени гарантирует предсказуемость и безопасность вписки, но возможно именно это делает подобный вид социального мероприятия недостаточно привлекательным для молодёжи с точки зрения развлека-

¹ Нижеприведенная классификация не является авторской и основана на обобщении различных ненаучных источников в сети Интернет. См., например: Вписки – что это значит на молодёжном сленге // SOVETS.NET : [сайт]. URL: <https://sovets.net/13924-chto-takoe-vpiska.html> (дата обращения: 20.05.2022).

тельной составляющей. Целесообразно отметить, что гендерный аспект немаловажен для домашних вечеринок. Неслучайно исключительно мужская домашняя вечеринка без девушек носит название «вписка-сосиска» или «сосисочная вечеринка».

Подводная лодка. Участники, как правило, не могут покидать домашнюю вечеринку до её окончания, нередко отключают мобильные телефоны и т. п. С одной стороны, подобные ограничения могут свидетельствовать о некой институционализации вписки, что противоречит идее домашней вечеринки как таковой. С другой стороны, именно неформальные правила игры могут разнообразить вписку и будут способствовать получению её участниками неординарного социального опыта (например, цифровой детокс).

Хастл (англ. “hustle”). Домашняя вечеринка, которая превращается в «толкотню» за счёт огромного количества гостей. Именно на таком типе вписок существует возможность познакомиться со множеством интересных людей. Это связано в том числе и с так называемым «эффектом коктейльной вечеринки» в терминологии Э. К. Черри: участник вечеринки способен усваивать значимую для него информацию из шума толпы гостей при фокусировке на другом участнике вечеринки [10].

Очевидно, что вписка – это не феномен современной России, а молодёжный вариант хорошо известного советского квартирника¹ с присущей ему, по мнению А. С. Светловой, «особой атмосферой доверительности, интимности, тайны и привкусом запретности, добавлявшим остроты ощущений» [11, с. 90]. На сегодняшний день продолжают организовываться как настоящие квартирники, предназначенные для узкого круга людей, так и стилизованные под квартирники домашние концерты для более широкой публики. Кроме того, в 2015 г. прообраз советского квартирника появился на телевидении в формате развлекательной программы «Квартирник у Маргулиса». О. Цветкова подчёркивает, что квартирники по-прежнему важны как пространство доверительного, интимного общения при минимальных затратах [12].

Как и для квартирника в поздний советский период, для вписки в современной России частный дом или квартира выполняют функцию «третьего места» (многофункционального пространства для коммуникации) по Р. Ольденбургу [13]. Данная идея ещё выдвигалась Е. М. Раскатовой и К. Р. Романовой. Несмотря на то, что «хотя третье место – это радикально отличная от дома обстановка, оно необыкновенно похоже на

¹ В современном молодёжном сленге встречается родственное понятие «флэт» (англ. “flat”), обозначающее домашнюю вечеринку именно в квартире, как правило, в дневное время в группе по интересам (например, для прослушивания и обсуждения любимой музыки). Близкий к этому «шаффл» (англ. “shuffle”) – домашняя безалкогольная вечеринка в узком кругу любителей компьютерных и/или настольных игр.

хороший дом по тому психологическому комфорту и поддержке, которую оно предоставляет» [14, с. 41]. В то же время О. А. Леонтович рассматривал квартирник как гибридное пространство – пространство дома как «первое место» и общественное пространство одновременно [15]. Однако не только это способствует тому, что жилище на какой-то момент времени становится пространством для домашней вечеринки. Очевидно, владелец квартиры или дома должен обладать экзогенным типом сознания, что определяет по Ч. Х. Кули предпочтения в пользу гостей и того беспорядка, который они привносят в дом [16].

В определённый момент времени домашняя вечеринка может перерасти в тусовку, которая также возникает спонтанно и является свободным выбором её участников (отсутствует институциональное принуждение). Тусовка возникает как встреча и продолжает существовать как серия таких встреч (например, на вписках), что напоминает, по мнению В. А. Мизиано, сериальное сообщество Ф. Альберони. Тусовка возникает на руинах институциональной культуры и является открытым пространством для свободных от каких-либо обязательств людей. Тусовка усиливает синдром распада дисциплинарной культуры и социальных иерархий, ей не свойственно чувство пропорции, и она всегда склонна к переизбытку (например, алкоголя) [17], что зачастую и предопределяет её образование на основе домашней вечеринки.

Ритуальное поведение на домашних вечеринках

Опираясь на структурно-антропологическую традицию анализа вечеринок и употребления алкоголя, Я. Демант и Ж. Остергаард рассматривают последнее как обряд перехода (что близко к пониманию вписки как инициации Р. С. Гранина) с феноменологической точки зрения, который помещает социальное событие в повседневную жизнь. Опираясь на концепцию социальности М. Маффесоли и концепцию зонирования пространственной и социальной логики дома С. Линкольна, исследователи показывают, что коллективное опьянение – это один из творческих способов превратить родительскую столовую в пространство для подростковых домашних вечеринок. Социальная логика домашней вечеринки включает коллективное употребление алкоголя, поскольку это символизирует приверженность как самой вечеринке, так и определённой социальной группе (например, друзей). В то же время домашние вечеринки привлекательны не только из-за возможности экспериментировать с алкоголем, но и потому, что они являются способом расширить круг друзей [18].

Алкоголь действительно имеет немаловажное значение на домашних вечеринках, однако на студенческих вечеринках в общежитиях уровень

употребления алкоголя значительно выше. Студенты, проживающие в общежитиях, более снисходительны к алкоголю, чем их сверстники, обитающие в жилых домах [19]. Различные игры с выпивкой (англ. “drinking game”) – чрезвычайно популярное развлечение на домашних вечеринках среди молодёжи. Такие игры имеют правила, определяющие, когда и сколько игроки должны пить, требующие от участников выполнения определённых физических и/или когнитивных задач и поощряющие чрезмерное употребление алкоголя. Эти особенности зачастую приводят к тому, что старшекласники и студенты, играющие в игры с выпивкой, подвержены риску негативных последствий, связанных с алкоголем. Хотя молодые люди осведомлены об опасностях для здоровья, которые могут возникнуть в результате чрезмерного употребления алкоголя или интоксикации, это осознание, по-видимому, не влияет на их решение играть в подобные игры [20]. Целесообразно отметить, что проблемы со здоровьем могут стать одним из возможных последствий домашней вечеринки, однако исследования в Голландии показывают, что в большинстве своём эти проблемы бывают лёгкими, а среднее время пребывания в пункте скорой помощи составляет около получаса [21].

Голландские исследователи также отмечают, что большая часть посетителей домашних вечеринок принимает психоактивные вещества, популярные среди молодёжи [22]. Неслучайно В. Николс указывает на то, что культура студенческих вечеринок, которые зачастую проходят в домашних условиях, противоречит почти всему, чего преподаватели стремятся достичь в стенах университета [23]. В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19¹ в США многие студенты были вынуждены переехать из общежитий обратно домой к родителям, что увеличило число домашних вечеринок. Однако, несмотря на данное обстоятельство, совершеннолетние студенты продемонстрировали резкое снижение потребления алкоголя по сравнению со студентами в обычных условиях [24].

Домашние квази-вечеринки: от прямых продаж до политической агитации

Домашняя вечеринка совсем не обязательно может иметь исключительно развлекательный характер. Точнее сказать, это уже будет не домашняя вечеринка в её историческом аспекте и молодёжном представлении, а некое социальное мероприятие со схожим названием, проводимое

¹ В период пандемии различные интернет-сервисы для группового общения закономерно набрали невероятную популярность. Среди них на 1-е место по количеству загрузок в App Store вышло приложение “Houseparty” для организации домашних вечеринок онлайн. К сожалению, студией “Eric Games”, которая приобрела сервис в 2019 г., было принято решение о его закрытии в 2021 г.

в домашних условиях с конкретно заданной целью и имеющее во многом институциональную природу.

В конце 30-х гг. XX в. в США «план домашней вечеринки» (англ. “home-party plan”) развивался в связи с популяризацией прямых продаж. Домашняя вечеринка в данном случае представляет собрание женщин в доме «хозяйки» с явной целью развлечься, но на самом деле с целью продажи товаров продавщицей, называемой «демонстрантом» или «дилером». Гостиная превращается в торговый зал, а хозяйка получает подарок от демонстранта за пользование своим домом; гости играют в игры и угощаются закусками. При этом дилер получает комиссию с её продаж и пытается убедить гостей разрешить использование их домов в будущем для той же цели [25]. Начинают развиваться компании, специализирующиеся на продажах во время домашних вечеринок (англ. “home-party companies”), которые манипулируют социальными связями в материальных целях. Наиболее известный среди них американский производитель потребительских товаров “Tupperware” в 1951 г. отказался от продаж через торговые сети и перешёл к технике прямых продаж посредством домашних вечеринок.

Метод, применяемый ранее “Tupperware”, был задействован для организации просветительской работы на домашних вечеринках в Дании среди родителей с низким социально-экономическим статусом, проживающих в неблагоприятных районах. Подобные социальные мероприятия зарекомендовали себя как достаточно эффективные с точки зрения профилактики различных зависимостей [26]. Исследовали в США также доказали позитивный эффект от домашних вечеринок просветительского характера, связанного с профилактикой преждевременных родов и детской смертности. Они определяют подобный подход, который задействует минимум ресурсов, как медицинское просвещение на основе сообщества (англ. “community based”). При этом домашняя вечеринка в данном случае рассматривается как городской ритуал для сбора членов сообщества и обмена информацией [27].

Другой немало известный и популярный за рубежом тип домашних вечеринок не развлекательного характера – это политические, которые проводятся в частном доме с целью поддержки определённого кандидата, политической партии или голосования, или для обмена информацией и мнениями о предстоящих выборах. В России наиболее близкое к этому домашнее мероприятие – это совместное чаепитие, например, людей пожилого возраста с приглашёнными представителями муниципалитета, территориально общественного самоуправления и т. п. Как и политическая домашняя вечеринка, подобное мероприятие направлено в большей степени на публичную агитацию в домашних условиях и политическую пропаганду.

Заключение

Домашняя вечеринка, будучи социальным мероприятием, возникает с приходом на неё людей и существует во времени и пространстве до их ухода. Исторически домашние вечеринки характеризовались как мероприятия, выходящие за рамки обыденного и естественного. Пробразом современных молодёжных вечеринок являются загородные домашние вечеринки в Великобритании времён королевы Виктории, однако в отличие от современных, они предназначались преимущественно для привилегированного меньшинства. В то же время исторически заданный характер домашних вечеринок сохраняется и по сей день, что характеризует их как социальные мероприятия, направленные на установление и поддержание неформальных контактов, поиск альтернативных форм социальной солидарности за рамками бюрократических институтов, формирование социальных кругов (контактных сообществ) и развитие современных практик молодёжного досуга в условиях ослабления социальных конвенций.

В современном обществе обнаруживается множество схожих форматов домашних вечеринок: *Skins Party* в Великобритании, «вписки» в России, идеологическим предшественником которых были советские квартирники. Место проведения (квартира или частный дом как «третье место»), возраст участников, а также условная свобода действий объединяют домашние вечеринки по всему миру. Чаще всего подобные мероприятия характеризуются спонтанностью, хотя могут быть и запланированы посредством сети Интернет. Популярность домашних вечеринок в современной России связана в том числе с исчезновением дворовой культуры, которая активно развивалась в СССР.

Некая сакральность происходящего на домашних вечеринках роднит их с «краш-пэд» коммунами хиппи, которые также не имели конкретных целей кроме совместного времяпрепровождения в условиях свободы от многочисленных табу. Неслучайно серия домашних вечеринок может перерасти в спонтанную тусовку как сериальное сообщество, неподвластное институциональному принуждению и усиливающее синдром распада дисциплинарной культуры. Коллективное употребление алкоголя задано социальной логикой домашней вечеринки, что символизирует некий обряд перехода и приверженность её участников. При этом на домашних вечеринках степень употребления алкоголя ниже, чем в студенческих общежитиях, несмотря на популярность игр с выпивкой.

Эксплуатируя само название домашней вечеринки, отдельные социальные мероприятия также проводятся в домашних условиях, но имеют своей целью просвещение среди молодёжи, политическую агитацию среди избирателей или прямые продажи, что противоречит самой соци-

альной природе хоум-пати, превращаясь в домашние квази-вечеринки. В то же время демонизация домашних вечеринок в медиа-пространстве задаёт преимущественно негативный дискурс российских исследований, рассматривающих их преимущественно как девиантные и криминогенные формы современного молодёжного досуга, несмотря на возможно неочевидные на первый взгляд социально-культурные функции и социальную природу этого явления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Э. Гоффман ; пер. с англ. А. М. Корбута ; под ред. М. М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 382 с. ISBN 978-5-9500244-0-5.
2. *Goffman A. Go to more parties? Social occasions as home to unexpected turning points in life trajectories // Social Psychology Quarterly. 2019. Vol. 82, № 1. P. 51–74. DOI 10.1177/0190272518812010.*
3. *Knox C. The Houseparty // The American Scholar. 1981. Vol. 50, № 3. P. 368–370.*
4. *Orecklin M. You must be over 21 to drink in this living room. A crackdown on house parties stirs up a debate about privacy // Time. 2005. Vol. 165, № 16. P. 142–143.*
5. *Tinniswood A. The house party. A short history of leisure, pleasure and the country house weekend. London : Faber & Faber Ltd., 2020. 144 p. ISBN 978-0571350964.*
6. *Ashe M. Teen-party-machines: representing and consuming teenage rebellion in the “skins party” trailer // Reinvention: An International Journal of Undergraduate Research. 2015. Vol. 8, № 1. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/ (дата обращения: 20.05.2022).*
7. Шульгина Е. В. «Вписки»: сексуальная агрессия подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 139–147. DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6091. EDN VOIOOO.
8. Гранин Р. С. «Вписка» как социокультурный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 93–96. EDN ENWRNJ.
9. *Smith D. E., Rose A. J. Health problems in urban and rural “crash pad” communes // Clinical Pediatrics. 1970. Vol. 9, № 9. P. 534–537. DOI 10.1177/000992287000900913.*
10. *Cherry E. C. Some experiments on the recognition of speech, with one and with two ears // The Journal of the Acoustical Society of America. 1953. Vol. 25, № 5. P. 975–979. DOI 10.1121/1.1907229.*
11. Светлова А. С. Феномен квартирному рок-концерта в СССР и в современной русской культуре // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2019. № 19. С. 89–99. EDN WVTYOK.
12. Цветкова О. Про квартирники // Журнал «Театр». 2018. № 35. URL: <https://oteatre.info/pro-kvartirniki/> (дата обращения: 22.05.2022).
13. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург ; пер. с англ. А. Широкановой. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 456 с. ISBN 978-5-4448-0201-4.

14. Раскатова Е. М., Романова К. Р. «Третье место» как фактор развития культуры советского андеграунда // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7, № 2. С. 94–99. EDN [WBPDU](#).
15. *Leontovich O. A.* The semiotic landscape of Volgograd in the context of urban communication studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 1. P. 97–105. DOI [10.17516/1997-1370-0382](#). EDN [YVNSEH](#).
16. Литвинцев Д. Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 1. С. 7–34. DOI [10.31119/jssa.2020.23.1.1](#). EDN [QDGHJC](#).
17. Мизиано В. А. «Тусовка» как социокультурный феномен // Художественная культура XX века: Сб. статей / Ред. В. В. Ванслов, В. П. Толстой, Д. О. Швидковский. М. : ТИД «Русское слово-РС», 2002. С. 352–363. ISBN 5-94853-018-3.
18. *Demant J., Østergaard J.* Partying as everyday life: investigations of teenagers’ leisure life // Journal of Youth Studies. 2007. Vol. 10, № 5. P. 517–537. DOI [10.1080/13676260701594828](#).
19. Where’s the house party? Hazardous drinking behaviors and related risk factors / Zamboanga B. L., Olthuis J. V. [et al.] // The Journal of psychology. 2009. Vol. 143, № 3. P. 228–244. DOI [10.3200/JRLP.143.3.228-244](#).
20. *Zamboanga B. L., Peake P. K.* Moving the house party to the lab: A call for experimental studies on drinking games // Addictive Behaviors. 2017. Vol. 67. P. 18–19. DOI [10.1016/j.addbeh.2016.12.001](#).
21. *Krul J., Girbes A.* Experience of Health-Related Problems during House Parties in the Netherlands: Nine Years of Experience and Three Million Visitors // Pre-hospital and Disaster Medicine. 2009. Vol. 24, № 2. P. 133–139. DOI [10.1017/S1049023X00006695](#).
22. *Ter Bogt T. F. M.* Party people: Personality and MDMA use of house party visitors / T. F. M. Ter Bogt, R. C. M. E. Engels, J. S. Dubas // Addictive Behaviors. 2006. Vol. 31, № 7. P. 1240–1244. DOI [10.1016/j.addbeh.2005.08.005](#).
23. *Nichols W.* Partying and the Mysteries of Student Culture // The Antioch Review. 1993. Vol. 51, № 4. P. 537–550.
24. What happens when the party moves home? The effect of the COVID-19 pandemic on U.S. college student alcohol consumption as a function of legal drinking status using longitudinal data / N. C. Ryerson, O. W. A. Wilson, A. Pena [et al.] // Translational Behavioral Medicine. 2021. Vol. 11, № 3. P. 772–774. DOI [10.1093/tbm/ibab006](#).
25. *Peven D. E.* The Use of Religious Revival Techniques to Indoctrinate Personnel: The Home-Party Sales Organizations // The Sociological Quarterly. 1968. Vol. 9, № 1. P. 97–106. DOI [10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x](#).
26. *Riper H., Bolier L., Elling A.* The home party: “Development of a low threshold intervention for ‘not yet reached’ parents in adolescent substance use prevention” // Journal of Substance Use. 2005. Vol. 10, № 2-3. P. 141–150. DOI [10.1080/14659890500038756](#).
27. House parties: an innovative model for outreach and community-based health education / T. Anderson-Reeves, J. Goodman, B. Bragg [et al.] // Maternal and Child Health Journal. 2017. № 21. P. 75–80. DOI [10.1007/s10995-017-2378-9](#).

Сведения об авторе

Д. Б. Литвинцев

кандидат социологических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **1043534**

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.7)

THE ROLE OF THE “THIRD PLACE” IN THE PRACTICES OF YOUTH LEISURE: HOUSE PARTY (HOME PARTY) AS A SOCIAL EVENT

Denis Borisovich Litvintsev

¹ Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,

² Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,
Novosibirsk, Russia

denlitv@inbox.ru,

ORCID [0000-0002-0358-3681](https://orcid.org/0000-0002-0358-3681)

For citation: Litvintsev D. B. The role of the “third place” in the practices of youth leisure: house party (home party) as a social event. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 124–137. (in Russ). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.7).

Abstract. The problem of youth leisure is a frequent object of study in modern sociology. However, Russian scientists are increasingly paying attention to club culture and various youth subcultures, often overlooking the social phenomenon of house parties. The article analyses the results of individual studies of house parties in the USA, Holland, Denmark, the UK (skins party), the former USSR (“kvartirnik”/home gig) and modern Russia (“vpiska” (inclusion)/shubz and its various formats). For the methodological basis of the study two approaches are used. The approach of E. Hoffmann, that allows us to study a house party as a social event of an entertaining nature, and the theory by R. Oldenburg of the “third place”, that a house becomes during a party. The article touches upon the historical aspect of house parties, their golden age dating back to the 19th century in the UK. In the context of the sacredness of the event and institutional freedom, a house party is compared to a “crash pad” commune of the hippie subculture. The researchers note the possibility of forming a hangout (“tusovka”) as a series of house parties opposing disciplinary culture and social hierarchy. Special attention is paid to the issue of alcohol consumption as a ritual of collective intoxication during house parties and drinking games. The concept of a home quasi-party is introduced, which main purpose is not entertainment, but education, political agitation or direct sales. The main idea of the article is to reflect not only the negative, but also the positive socio-cultural functions of a house party, that is considered by some researchers as an exclusively deviant and/or criminogenic form of leisure of the modern youth.

Keywords: housing sociology, “third place”, leisure, youth subcultural phenomenon, house party, “tusovka” (hangout), “kvartirnik” (home gig), “vpiska” (“inclusion”, shubz)

REFERENCES

1. Goffman E. Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings. Translated from the English by A. M. Korbut; ed. by M. M. Sokolov. Moscow: Elementarny`e formy`; 2017. 382 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9500244-0-5.
2. Goffman A. Go to more parties? Social occasions as home to unexpected turning points in life trajectories. *Social Psychology Quarterly*. 2019; 82(1): 51–74. DOI 10.1177/0190272518812010.
3. Knox C. The Houseparty. *The American Scholar*. 1981; 50(3): 368–370.
4. Orecklin M. You must be over 21 to drink in this living room. A crackdown on house parties stirs up a debate about privacy. *Time*. 2005; 165(16): 142–143.
5. Tinniswood A. The house party. A short history of leisure, pleasure and the country house weekend. London: Faber & Faber Ltd.; 2020. 144 p. ISBN 978-0571350964.
6. Ashe M. Teen-Party-Machines: Representing and Consuming Teenage Rebellion in the “Skins Party” Trailer. *Reinvention: An International Journal of Undergraduate Research*. 2015; 8(1). Available at: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/iatl/reinvention/archive/volume8issue1/ashe/ (accessed: 22.05.2022).
7. Shulgina E. V. “Vpiski”: sexual aggression of teenagers. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2018; 6(4): 139–147. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6091.
8. Granin R. S. “Vpiska” as a sociocultural phenomenon. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3. Philosophy =Social'ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativny`j zhurnal*. 2020; 3: 93–96. (In Russ.).
9. Smith D. E., Rose A. J. Health Problems in Urban and Rural “Crash Pad” Communes. *Clinical Pediatrics*. 1970; 9(9): 534–537. DOI 10.1177/000992287000900913.
10. Cherry E. C. Some Experiments on the Recognition of Speech, with One and with Two Ears. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1953; 25(5): 975–979. DOI 10.1121/1.1907229.
11. Svetlova A. S. The phenomenon of home rock concert in USSR and in modern Russian culture. *Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst=Russian rock poetry: text and context*. 2019; 19: 89–99. (In Russ.).
12. Tsvetkova O. About “kvartirniki”. *Zhurnal “Teatr”=Magazine “Theater”*. 2018; 35. Available at: <https://oteatre.info/pro-kvartirniki/> (accessed: 22.05.2022). (In Russ.).
13. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hanging out” as the foundation of a community. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2014. 456 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0201-4.
14. Raskatova E. M., Romanova K. R. “Third place” as a factor in the development of the culture of the Soviet underground. *News of higher schools. Series “Humanities”=Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Seriya: Gumanitarny`e nauki*. 2016; 7(2): 94–99. (In Russ.).
15. Leontovich O. A. The semiotic landscape of Volgograd in the context of urban communication studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019; 12(1): 97–105. DOI 10.17516/1997-1370-0382.
16. Litvintsev D. B. The category of housing in the classical sociology. *The Journal of sociology and social anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2020; 23(1): 7–34. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2020.23.1.1.

17. Misiano V. A. “Tusovka” as a sociocultural phenomenon. In: Art culture of the twentieth century. Collection of scientific articles / Ed. V. V. Vanslov, V. P. Tolstoy, D. O. Shvidkovsky. Moscow: TID “Russkoe slovo-RS”. 2020; P. 352–363. (In Russ.). ISBN 5-94853-018-3.
18. Demant J., Østergaard J. Partying as everyday life: investigations of teenagers’ leisure life. *Journal of Youth Studies*. 2007; 10(5): 517–537. DOI [10.1080/13676260701594828](https://doi.org/10.1080/13676260701594828).
19. Zamboanga B. L., Olthuis J. V., Horton N. J. [et al.]. Where’s the house party? Hazardous drinking behaviors and related risk factors. *The Journal of psychology*. 2009; 143(3): 228–244. DOI [10.3200/JRLP.143.3.228-244](https://doi.org/10.3200/JRLP.143.3.228-244).
20. Zamboanga B. L., Peake P. K. Moving the house party to the lab: A call for experimental studies on drinking games. *Addictive Behaviors*. 2017; 67: 18–19. DOI [10.1016/j.addbeh.2016.12.001](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2016.12.001).
21. Krul J., Girbes A. Experience of health-related problems during house parties in the Netherlands: nine years of experience and three million visitors. *Prehospital and Disaster Medicine*. 2009; 24(2): 133–139. DOI [10.1017/S1049023X00006695](https://doi.org/10.1017/S1049023X00006695).
22. Ter Bogt T. F. M., Engels R. C. M. E., Dubas J. S. Party people: Personality and MDMA use of house party visitors. *Addictive Behaviors*. 2006; 31(7): 1240–1244. DOI [10.1016/j.addbeh.2005.08.005](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2005.08.005).
23. Nichols W. Partying and the Mysteries of Student Culture. *The Antioch Review*. 1993; 51(4): 537–550.
24. Ryerson N. C., Wilson O. W. A., Pena A. [et al.]. What happens when the party moves home? The effect of the COVID-19 pandemic on U.S. college student alcohol consumption as a function of legal drinking status using longitudinal data. *Translational Behavioral Medicine*. 2021; 11(3): 772–774. DOI [10.1093/tbm/ibab006](https://doi.org/10.1093/tbm/ibab006).
25. Peven D. E. The use of religious revival techniques to indoctrinate personnel: the home-party sales organizations. *The Sociological Quarterly*. 1968; 9(1): 97–106. DOI [10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x](https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1968.tb02290.x).
26. Riper H., Bolier L., Elling A. The home party: “Development of a low threshold intervention for ‘not yet reached’ parents in adolescent substance use prevention”. *Journal of Substance Use*. 2005; 10(2-3): 141–150. DOI [10.1080/14659890500038756](https://doi.org/10.1080/14659890500038756).
27. Anderson-Reeves T., Goodman J., Bragg B. [et al.]. House Parties: An Innovative Model for Outreach and Community-Based Health Education. *Maternal and Child Health Journal*. 2017; 21: 75–80. DOI [10.1007/s10995-017-2378-9](https://doi.org/10.1007/s10995-017-2378-9).

Information about the Author

D. B. Litvintsev

Candidate of Sociology, Associate Professor

ResearcherID: [AAW-5820-2020](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000)

Scopus AuthorID: [57220779595](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000)

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.